

«Имени мене...»

11 сентября 1957 года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об упорядочении дела присвоения имен государственных и общественных деятелей краям, областям, районам, а также городам и другим населенным пунктам, предприятиям, колхозам и организациям». Столь длинное название со скрупулезным перечислением всего, чему может возникнуть позыв присвоить собственное имя, по мысли отца, перекрывало все возможные лазейки.

Зуд переименований сопровождал и сопровождает перемены во власти во все времена. И не только в России. Оно и понятно, легче поменять вывеску или дорожный указатель, чем сделать что-либо по существу. Перемена названий и снос памятников – один из признаков революции, а не эволюции. Революционеры в первую очередь меняют декор, переименовывают города, сбрасывают старые памятники, на их пьедесталы водружают новые, заменяют старую религию новой или вовсе ее отменяют и приспособливают старые храмы к своим новым нуждам. Так происходило и во времена утверждения христианства, и в нашем недавнем прошлом, после революции 1917 года, и после контрреволюции 1991 года.

Начиная с первых дней 1918 года в названиях городов, площадей и улиц царские и иные неподходящие имена стали заменять именами революционеров, прогрессивных, в понима-

нии переименователей, мыслителей и просто хороших людей – от Спартака и Марата до Маркса и Бакунина. Дальше – больше, перешли к увековечиванию живых героев революции. Как грибы после дождя, росли города и поселки Ленински, Троцки, Сталински, Калининны, Молотовы и Молотовски, Кировы и Кировски. Отец рассказывал, как в руководстве страны возник ажиотаж, кому удастся отхватить «себе» больше областей, городов, заводов, совхозов или колхозов.

Количество и «качество» наименований на карте страны с 1920-х годов отражало влияние политического деятеля, соответствовало его положению во властной иерархии. Дело присвоения имен постепенно обюрократилось: кто-то где-то в соответствии с чем-то определял, чье имя присваивается инвалидной артели, чье – хлебозаводу, чье – колхозу, а чье – областному центру. Когда начался процесс передела власти, вслед за исчезнувшими со сцены политиками «принадлежавшие им» объекты переходили, как бы по наследству, к их более удачливым преемникам. Города, носившие имя Троцкого, Сталин обычно забирал себе. В результате Юзовка в Донбассе, получившая свое имя от построившего там металлургический завод англичанина Хьюза, сначала стала Троцком, а затем превратилась в Сталино.

Когда отец достиг в советской иерархии «достойного наименований» положения, тут же начали появляться совхозы и колхозы его имени. По мере продвижения вверх «именные» объекты становились все значимее. Отцу вся эта вакханалия наименований и переименований, как он нам говорил, удовольствия не доставляла, но изменить ее он тоже не мог. Только иногда исподволь подправлял. Так, после войны, в ответ на предложение назвать построенный киевский мост через Днепр его именем, отец «переподарил» его академику Е. О. Патону, сказав, что его, академика, вклад в строительство несравненно больше – варили конструкции моста по его, Патона, технологии. Так и стоит по сей день в Киеве мост Патона. Назови его именем Хрущева, то пришлось бы мост переименовывать. А вот Центральному киевскому стадиону имя отца дали и собирались его торжественно открыть 22 июня 1941 года, но в тот день стало не до стадиона, грянула война. После войны стадион восстановили и вторично открыли, но называли его иначе.

В Одессе перед войной появилась Сельскохозяйственная опытная станция имени Т. Д. Лысенко, Глазная клиника имени Владимира Петровича Филатова, на самом деле знаменитого врача, академика. Местную консерваторию назвали именем Людвиг Ван Бетховена, а музыкальной школе при ней присвоили имя скрипача-профессора Петра Соломоновича Столярского, по одесским меркам тоже весьма знаменитого. Он преподавал в этой школе с 1923 года, со дня ее основания, выучил много хороших музыкантов, в том числе и Давида Ойстраха. Столярский к этому относился с юмором, и на вопрос, куда он направляется, отвечал: «В школу имени mine». Кое-кому такие ответы показались оскорбительными, времена стояли непростые, на Столярского донесли, каким-то образом о доносе узнал отец. Он за него вступился, и Столярского не тронули. В 1944 году Петр Соломонович умер, имя его начало забываться, а «имени mine» стало популярной одесской хохмой.

Толчком к «национализации», я привожу выражение отца, географических названий послужило удаление в июне 1957 года из состава высшего руководства страны Молотова, Кагановича и других участников, как их называли, «антипартийной группы». Следом, как и полагалось, началась волна переименований. Областному центру Молотову вернули старое название Пермь, а недавно построенному Молотовску дали имя Северодвинск. Вот тогда-то отец и предложил пойти дальше и вообще запретить называть что-либо именем людей живущих. Он считал, что такое следует делать только после смерти, и не сразу, а лет через десять, когда все отстоится, успокоится. Никто отцу не возразил, недовольно ворчал лишь Ворошилов. Его фамилия пестрила на карте: Ворошиловград, Ворошилов-Уссурийский, Ворошиловск, всех я не помню. Но на Ворошилова, с его репутацией, подмоченной союзом с антипартийной группой, внимания не обратили.

Постановление приняли единогласно, и началась кампания «возвращения к исторически сложившимся наименованиям». Не первая и не последняя в нашей истории. Управились быстро. Правда, в Москве остались Хрущевский переулок и платформа Маленковская, но так их назвали не сейчас и в память не о том Хрущеве и не о том Маленкове.

Однако не обошлось без рецидивов. Через пять лет после принятия запретительного решения, в 1962 году, украинские лидеры Подгорный с Щербицким в порыве лизоблюдства попытались назвать именем отца город, построенный на Днестре рядом с Кременчугской ГЭС. Но продержалось имя «Хрущов», так оно пишется по-украински, на географической карте недолго. 29 июля 1962 года по дороге в отпуск в Крым новостройку посетил отец. Я тоже увязался за ним.

Ехали проселком. Впереди Хрущев с Подгорным и руководителями республики, за ними пылил – целый «хвост». День, помню, выдался солнечный, жаркий. Подъехали к утопавшему в зелени городу. Вдруг я поразился: на придорожном указателе надпись по-украински «Місто Хрущов».

Машины остановились у здания горкома. Я пробился поближе, по реакции окружающих вижу – отец промолчал. Напрягшиеся было лица местного начальства расплылись в улыбках.

С момента въезда в город меня преследовало чувство неловкости. Неловкости за отца. А он вел себя как будто и не видел надписи на злосчастном дорожном указателе. Осмотрели город, съездили на плотину, провели торжественный митинг открытия новой Кременчугской ГЭС. После митинга в горкоме собралось совещание, решали, какие еще гидростанции строить на Днестре. Строительство Киевской и Каневской ГЭС признали первоочередными, а с Нижне-Днепровской в самом горле реки у моря решили погодить, разобраться. Уж слишком много земли уйдет под воду. Разобравшись, стройку вообще отставили. Через несколько месяцев вышло специальное постановление правительства «О строительстве Днепровского каскада ГЭС», закреплявшее достигнутые в Кременчуге договоренности.

Наконец приехали на пристань, дальше предстояло плыть на пароходе до Днепропетровска. Отчалили. Все собрались в салоне, расположились за длинным столом. Предстоял обед, а вместе с ним и тосты. Первым говорил отец. Он начал с благодарности, ему очень приятно, что город назвали его именем, поблагодарил за честь. Все закивали, наперебой стали говорить о заслугах отца, как много он делает для страны, для народа, как все его любят.

Я ожидал, что отец запротестует, и такое начало меня обескуражило. Но это было только начало.

– Вы что не читаете постановления или не считаете обязательным их выполнение?! – продолжил отец. – Я настоял на запрещении присваивать городам имена руководителей. А тут моя фамилия! В какое положение вы меня ставите? Кто поверит, что вы самовольничаете, а не действуете с моего согласия? Вам что, постановления не указ?

Дальше последовал разнос.

Подгорный неуверенно оправдывался, но отец его не стал слушать, поковырял вилкой в тарелке, извинился перед присутствовавшими и, сославшись на дела, ушел в свою каюту.

8 газетах на следующий день давалась информация о посещении первым секретарем ЦК КПСС Н. С. Хрущевым города Кременчуг и Кременчугской ГЭС.

16 ноября 1962 года «Вестник Верховного Совета СССР» опубликовал Указ о переименовании «міста Хрущов в «місто КремГЭС».

День за днем

9 августа 1957 года в Северодвинске спущена на воду первая в Советском Союзе атомная подводная лодка «Ленинский комсомол».

25 сентября 1957 года, как в мае на встрече в Семеновском пообещал отец, открылся пленум организационного комитета Союза писателей Российской Федерации. Такие союзы под эгидой Общесоюзного писательского объединения давно существовали во всех республиках.

Председателем оргкомитета стал уже знакомый нам писатель-маринист Леонид Соболев. До войны он писал о морях, о военно-морском флоте, дореволюционном и послереволюционном, и писал неплохо. В послевоенные годы разбирательств с Анной Ахматовой, Михаилом Зощенко, жестких выступлений Андрея Жданова Соболев затаился. Главный его роман «Капитальный ремонт» так и остался недописанным.

То, что на встрече в Семеновском Соболев активно и искренне поддержал антисталинское выступление отца, в значительной степени определило его назначение главой писательского Союза. Обошлось оно Соболеву очень дорого, вызвало массу нареканий и справа, и слева. Правые, так тогда определяли позицию сталинистов, возненавидели Соболева за его солидарность с Хрущевым в разоблачении преступлений недавнего прошлого. Левые, так тогда именовались осторожно фрондирующие будущие «демократы», ополчились на Соболева тоже за его солидарность с Хрущевым, Хрущевым – взвешенным реформатором, а не радикалом-разрушителем, как им бы хотелось.

28 сентября 1957 года к отцу на Ливадийскую дачу в Крыму во второй раз приехала Элеонора Рузвельт, вдова самого популярного в нашей стране американского президента. Она уже побывала здесь в прошлом году. О чем они говорили с отцом, не знаю, я на беседе не присутствовал, но сами встречи свидетельствовали об ускоряющихся переменах в отношениях между двумя странами. Гостья надписала отцу два тома своих воспоминаний. Отец их не прочел, английским он не владел. Их внимательно с карандашом в руке проштудировала мама. Читала она обстоятельно, делала выписки наиболее понравившихся абзацев и фраз. Воспоминания Элеоноры Рузвельт сохранились. Спустя много лет, уже после смерти отца с матерью, прочитал воспоминания Рузвельт и я. Мне они показались не просто интересными, но и весьма поучительными. Сейчас эти книги находятся в Музее современной истории в Москве.

Книг с дарственными автографами знаменитостей, хороших и плохих писателей, в библиотеке отца накопилось великое множество. После отставки, при многократных переездах с места на место интересные книги и книги с автографами интересных людей разошлись по чьим-то рукам, сохранились лишь тома никому не известных авторов никем не читаемых произведений.

24 октября в Москве отец принял своего старого знакомого, украинского канадца, Василия Ивановича Свистуна, Председателя Канадского общества культурных связей.

6 июня 1954 года Свистун, уже тогда возглавлявший сообщество тяготевших к своей прародине украинцев, впервые встретился с отцом. С тех пор завязалась я бы не сказал дружба, теплые контакты отца с украинскими канадцами. Украинцы, в основном выходцы с западных, австро-венгерских и польских земель, обосновались в Канаде с конца XIX века, затем их диаспора пополнилась послевоенными невозвращенцами 1940-х годов.

Как и большинство эмигрантских сообществ, они чтят память о своей покинутой родине, вот только связи с Украиной, затеплившиеся было в военные годы, после войны начисто оборвались.

17 апреля 1954 года канадские украинцы прислали отцу на 60-летие подарок – пейзажик с позолоченными осенью канадскими кленами и теплой надписью. Эта дорогая своей искренностью картина (никто не обязывал канадцев поздравлять Хрущева с днем рождения) и по сей день висит у меня дома.

К 40-летию Октябрьской революции в распложенном по соседству с Кремлем Манеже открыли самый большой в стране выставочный зал.

Предназначенное для проведения парадов, смотров и просто зимних тренировок кавалерии здание Манежа построили в 1817 году по проекту архитектора Осипа Бове. С 1831 года в Манеже начали устраивать выставки, концерты, народные гулянья. После революции и переезда правительства из Петрограда в Москву в нем оборудовали кремлевский гараж.

Отец посчитал такое использование одного из красивейших московских зданий, да еще в центре города, варварством и поручил КГБ совместно с Моссоветом подыскать ему более достойное применение. Тут и вспомнили о дореволюционном прошлом Манежа. Доложили отцу.

И вот теперь новый московский выставочный зал принимал первых посетителей.

6 ноября 1957 года в Ленинграде на Марсовом поле зажгли первый в Советском Союзе вечный огонь в память о жертвах войн и революций.

В начале ноября Ту-114, сверхдальний по тем временам лайнер, совершил свой первый полет. По его приземлении Андрей Николаевич Туполев с аэродрома в Жуковском позвонил Хрущеву, поспешил поделиться с ним радостью, пригласил его заехать полюбоваться на красавец-самолет.

Отец согласился, пообещал заехать.

Другие авиационные конструкторы, услышав о приглашении Туполева, заволновались – хитрый старик уже который раз оттирает их на второй план. А у них тоже есть чем похвалиться. Пришлось министру Дементьеву звонить Хрущеву. Они условились перенести демонстрацию с туполевской площадки в Жуковском в нейтральное Внуково и собрать там всех конструкторов и все их последние разработки.

17 ноября Туполев продемонстрировал «гвоздь программы» – межконтинентальный Ту-114 и модернизированный Ту-104 А. Его постоянный соперник Сергей Ильюшин показал свой пассажирский турбовинтовой Ил-18, тогда его называли «Москва». Олег Антонов привез из Киева пассажирский вариант своего АНа, «Украину». Туда же прилетел и крупнейший в мире вертолет МИ-6 Михаила Леонтьевича Миля. Правда, для пассажирских перевозок он пока не предназначался, летать на нем считалось делом рискованным.

Отец увиденным остался доволен, у нас появился современный Гражданский воздушный флот. А всего два года назад отец, прилетев в Женеву на Ил-14, сгорал от стыда. Наш двухмоторный самолет смотрелся замухрышкой в сравнении с американскими и английскими четырехмоторными лайнерами. Теперь же мы показали, на что способны, не просто догнали, но кое в чем обогнали Запад.

25 ноября 1957 года отец выступил в Кремле на традиционном приеме в честь выпуска военных академий, говорил о новых задачах, новой компактной армии в новый ракетно-ядерный век. Выпускники искренне аплодировали Хрущеву, присутствовавшие на приеме генералы морщились – сокращение Вооруженных сил они не одобряли, к ракетам относились с недоверием.

7 декабря 1957 года отец повел весь Президиум ЦК на первую художественную выставку, открывшуюся в обновленном Манеже. В том году она посвящалась 40-летию Советской страны. Он с удовольствием осматривал картины и скульптуры, внимательно выслушивал пояснения авторов, а заодно полюбовался отреставрированным зданием Манежа. Хозяева и гости расстались удовлетворенные друг другом.

8 тот же день, 7 декабря 1957 года, газеты сообщили о спуске на воду в Ленинграде атомного ледокола «Ленин» немало по тем временам водоизмещения в 16 тысяч тонн.

18 декабря 1957 года Сессия Верховного Совета СССР вчистую отменила, «сталинский» закон от 21 ноября 1941 года «О взимании налога с холостяков и малосемейных граждан, а также одиноких женщин, не имеющих детей». Налог, по замыслу его автора, должен был стимулировать рождаемость. Но не стимулировал, особо рождаемость так и не возросла.

21 декабря 1957 года отец сделал доклад «О внешней политике» на Сессии Верховного Совета СССР и в тот же вечер уехал в Киев на празднование 40-летия Советской Украины. Там он выступил на юбилейной Сессии Верховного Совета Республики, простояв почти целый морозный день на возведенной на Крещатике трибуне, приветствуя военный парад и праздничную демонстрацию.

27 декабря он вручает Киеву орден Ленина, объявляет об окончании строительства второй очереди газопровода Дашава – Киев. Последнее отцу особенно приятно, ведь это он когда-то «пробивал» строительство первого на Украине газопровода.

В тот же вечер отец возвратился в Москву.